

ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: МОЖНО ЛИ ИДТИ ВПЕРЕД, ПОВЕРНУВ НАЗАД?

© 2019 г. Ю. Борко

I. Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3-х тт. Т. 1. Центральная-Восточная Европа. Отв. ред. Н.В. КУЛИКОВА. Санкт-Петербург, "АЛЕТЕЙЯ", 2017. 428 с.;

II. Восточный поворот во внешнеэкономической политике стран Центральной-Восточной Европы в условиях нарастающих кризисных явлений в Евросоюзе. Монография. Отв. ред. И.И. ОРЛИК (Институт экономики РАН). Москва, ИЭ РАН, 2017. 293 с.

*БОРКО Юрий Антонович, доктор экономических наук, профессор,
Институт Европы РАН, РФ, 125009 Москва, Моховая ул., 11-3 (europe@ieras.ru).*

Рецензия поступила в редакцию 15.10.2018.

Ключевые слова: Центральная-Восточная Европа (ЦВЕ), страны ЦВЕ, Европейский союз, Россия, евроинтеграция, экономика, экономическая трансформация, зависимый капитализм, Восточный поворот.

В 2017 г. Институт экономики РАН выпустил в свет с полугодием разрывом две монографии. Вторая была подписана к печати под самый Новый год, 21 декабря. Обе посвящены экономическому развитию стран Центральной-Восточной Европы. В обеих книгах общие хронологические рамки — они охватывают период с начала 1990-х годов по настоящее время. Тот же авторский коллектив — сотрудники Отдела международных экономических и политических исследований. Сходны книги даже по своей структуре, с тем различием, что в первой 2/3 объема посвящены общим проблемам региона ЦВЕ, а треть — конкретным странам, тогда как во второй, напротив, главное внимание уделено именно последним. Но внимание автора данной рецензии привлекло другое различие. Оно обозначено в названии второй работы, ключевые слова в котором — "Восточный поворот". В первой книге такое понятие отсутствует. Выходит, авторский коллектив за полгода радикально пересмотрел концепцию дальнейшего развития региона ЦВЕ? В попытке дать развернутый, комплексный ответ на этот интригующий вопрос и состоит один из аналитических смыслов данной рецензии. Но сначала — о двух монографиях как о фактически целостном научном труде.

На мой взгляд, читателю предложено наиболее полное научное исследование результатов экономического развития стран ЦВЕ за последние 25 лет на основе и в рамках столь тернистой евроинтеграции. Авторы обработали огромный массив статистической информации, представив ее анализ в виде почти 60 таблиц, графиков и рисунков, а также множества расчетов, приведенных в тексте.

Выявляются как общая тенденция развития региона, так и страновая специфика. В полноте и многогранности анализа, в глубине осмысления этих итогов как раз и состоит научная новизна работы. Оговоримся: хотя в обеих монографиях неоднократно подчеркивается, что объектом исследования является экономика, авторы не раз и не два затрагивают вопросы внутренней и внешней политики, в том числе проблемы европейской безопасности, так или иначе влияющие на экономические процессы и решения. Весь процесс развития стран ЦВЕ в рамках евроинтеграции и его общие итоги рассматриваются в контексте нынешней ситуации в регионе и его перспектив. Главное внимание уделено проблемам, вставшим перед ними в связи с обострением кризисных явлений в Евросоюзе, конфронтации между Россией и Западом.

Высокое научное качество исследования определяется тем, что в авторский коллектив входят 14 опытных специалистов, в большинстве своем начавших изучать эту проблематику в "архипоучительные" 1990-е годы, в Институте международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ РАН), а некоторые — еще в те времена, когда он именовался Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР. (В 2005 г. ИМЭПИ вошел в состав Института экономики в качестве научного отдела под тем же названием.)

В концептуальном плане наиболее интересными представляются две главы первой монографии. Одна посвящена типологии капитализма и той его разновидности, которая возникла в странах ЦВЕ, другая — социально-экономической трансформа-

ции этих стран посредством их участия в евроинтеграции (I, сс. 10-30, 32-47). Открывая тему типологии капитализма, доктор экономических наук, заместитель директора ИЭ РАН С.П. Глинкина отмечает, что процессы трансформации почти в трех десятках постсоциалистических стран уже четверть века находятся в центре внимания обществоведов всего мира, а результаты преобразований по сей день остаются предметом дискуссий. Дальнейший ход размышлений автора таков: в мире существует несколько моделей капитализма; западные экономисты классифицируют их по-разному и, в конечном счете, сводят к двум основным типам капитализма — либеральному (*liberal market economy*) и координируемому (*coordinated market economy*). Здесь, отметим, уместно напомнить, что данной тематикой многие годы и весьма продуктивно занимались и российские экономисты. Упомяну в первую очередь таких талантливых научных сотрудников ИМЭМО АН СССР/РАН — можно сказать, корифеев отечественной экономической мысли, — как Р.М. Энтов, И.М. Осадчая, В.И. Кузнецов, Е.С. Хесин, исследовавших теорию и практику государственного регулирования экономики в странах Запада.

Степень сходства рыночной экономики, выстроенной в странах ЦВЕ, с типами и моделями в странах Запада оценивается учеными по-разному. Одни находят больше сходства с либеральной экономикой, другие — с координированной, третьи называют рыночную экономику в странах ЦВЕ гибридной моделью. С.П. Глинкина подчеркнуто не приемлет ни то, ни другое, ни третье. Она отмечает, что еще до того, как началось возвратное движение стран ЦВЕ к капитализму, в последней трети XX в. в десятках государств Азии, Африки и Латинской Америки, завоевавших независимость, начали возникать разные варианты рыночной экономики. Они существенно отличаются от классических типов капиталистического рынка в странах Запада и представляют собой “третий базовый тип капитализма — так называемый зависимый рыночный капитализм” (I, с. 19).

К данному типу капитализма, полагает С.П. Глинкина, относится и возникающая рыночная экономика в рассматриваемом регионе: “Основной чертой третьего базового типа капитализма, созданного в ряде стран ЦВЕ, является фундаментальная зависимость их экономик от решений, принимаемых транснациональными корпорациями по поводу инвестиций” (I, с. 24). На мой взгляд, в рамках строго экономического анализа — это действительно ключевой признак зависимого положения региона в Евросоюзе. Однако не единственный. Выбор стран ЦВЕ в пользу евроинтеграции и, следовательно, в пользу зависимого капитализма был обусловлен не только экономическими мо-

тивами. В первую очередь это был их ценностно-геополитический выбор, воплощенный в лозунг: “Назад, в Европу!”.

С.П. Глинкина, понятно, не могла не задаться вопросом о плюсах и минусах такого выбора, о том, “насколько благоприятным для постсоциалистических стран является попадание в число государств зависимого рыночного капитализма” (там же). К явным плюсам этого автор относит то, что, при отсутствии достаточных внутренних ресурсов, страны ЦВЕ смогли обеспечить трансформацию экономики за счет мощного притока ПИИ, дополненного безвозмездными субсидиями из бюджета и структурных фондов ЕС на осуществление реформ, а также кредитами, предоставленными международными финансовыми институтами. Но с того времени, продолжает автор, ситуация существенно изменилась. С одной стороны, выгоды модели зависимого капитализма явно уменьшились и для ТНК, и для стран ЦВЕ. Для первых — из-за ужесточения контроля национальных властей над их деятельностью, повышения стоимости рабочей силы и т.д.; для вторых — из-за сокращения притока ПИИ и подорожания денег на мировом финансовом рынке. С другой стороны, сложилась группа развивающихся стран, в основном азиатских, более привлекательных для ТНК (стабильно высокие темпы экономического роста, масштабы внутреннего рынка, предопределяемые численностью населения, дешевизна рабочей силы). Автор не дает оценки итогов трансформации и эффективности модели зависимого капитализма в странах ЦВЕ, ссылаясь, в частности, на то, что критерии оценки плохо разработаны и вызывают споры (I, сс. 28-30).

Тем не менее возможность такой оценки предоставляет упомянутая выше глава С.П. Глинкиной и кандидата географических наук, руководителя Центра восточно-европейских исследований ИЭ РАН Н.В. Куликовой “От социализма к капитализму через евроинтеграцию”. Правда, начинается она сомнительным тезисом, что ученые пока не дали “однозначный ответ на ключевой вопрос о практической целесообразности внешнеполитического выбора постсоциалистических государств в пользу интеграции в европейские и евроатлантические структуры” (I, с. 34). Напротив, как раз вопрос о практической целесообразности этого выбора (выделено мной. — Ю.Б.) был решен однозначно в 1992 г., когда государства — члены ЕС приняли принципиальное решение в пользу будущего членства в нем постсоциалистических стран ЦВЕ. О такой перспективе они могли только мечтать, и альтернативного варианта быстрого и надежного перехода к рыночной экономике и демократии у них не было.

В названной главе четко обрисована история их вступления в ЕС, начиная с того, что в 1993 г. его

высший орган Европейский совет (саммит) утвердил так называемые “Копенгагенские критерии” — три ключевых условия, которые должны быть выполнены государствами-кандидатами в ходе их подготовки к вступлению в Евросоюз. В главе подчеркнута главенствующая роль его высших органов в разработке программ подготовки стран ЦВЕ к вступлению в ЕС и жесточайший контроль над их выполнением. У автора данной рецензии накопились собственные впечатления на этот счет. Во второй половине 1990-х мне дважды довелось участвовать в конференциях (в Генте и Брюсселе), посвященных ходу подготовки стран ЦВЕ к вступлению в Европейский союз. Их участниками были ученые, дипломаты и правительственные чиновники из этих стран, а председательствовал член Еврокомиссии Понтер Ферхойген, отвечавший за данную сферу политики ЕС. Меня равно поразили как жесткий менторский тон председателя, так и безропотность аудитории. Единственным, кто неоднократно вступал в полемику с Ферхойгеном, был блестящий венгерский экономист Петер Балаш. Но это, как говорят в подобных случаях, было исключением, подтверждающим общее правило.

Авторы исследования положительно оценивают экономический эффект реформ. Их вывод: “Институциональная адаптация, которую осуществили страны ЦВЕ, выполняя условия вступления в ЕС, привела их ранее слабые демократические, экономические, правовые институты и институты гражданского общества в соответствие с более высокими европейскими стандартами. В некоторых ... исследованиях обнаруживаются свидетельства того, что совершенствование институтов дает мультипликативный эффект: умелое управление, власть закона, политическая стабильность и низкий уровень коррупции приносят долгосрочные дивиденды в плане экономического роста и, таким образом, косвенно влияют на качество жизни граждан” (I, с. 43).

Однако, отмечают исследователи, создать однородное институциональное пространство в регионе ЦВЕ не удалось, его качество отличается от страны к стране и значительно отстает от лучших образцов. Их общей бедой является высокий уровень коррупции. К тому же широко распространена практика ложной финансовой отчетности компаний. В итоге “результаты институциональных реформ в Центрально-Восточной Европе оказались далекими от ожидаемых” (I, с. 47).

Тему экономического эффекта трансформации продолжила в своей обстоятельной главе **Н.В. Куликова** (I, сс. 48–85). Напомнив о том, что экономика стран ЦВЕ была реформирована путем переноса на национальную почву правил и институтов либеральной рыночной экономики, сложившейся

и высокоразвитой в государствах Евросоюза, автор задает, по сути, методологически ключевой и актуальнейший вопрос: оправдался ли расчет на то, что такая стратегия ликвидирует отставание этих стран от Западной Европы по уровню и качеству жизни? Проанализировав преимущества и риски этой стратегии в важнейших секторах экономики, **Н.В. Куликова** называет итоги трансформации неоднозначными и завершает главу жестким выводом: “Издержки модели трансформации, фактически заданной требованиями ЕС, развеяли иллюзии относительно потенциала евро-интеграции с точки зрения ее содействия социально-экономическому развитию стран ЦВЕ. Экономическая интеграция с западноевропейскими странами ... дала положительные результаты, прежде всего ускорение экономического роста в этих странах в период благоприятной мировой конъюнктуры. Однако вместе с успехами пришли серьезные проблемы. Именно из-за ярко выраженной торговой, инвестиционной и финансовой ориентации на один-единственный рынок ЕС экономика стран ЦВЕ оказалась в сложном положении, когда для этого рынка наступили не лучшие времена” (I, с. 84).

Результаты трансформации, отметим, действительно, были неоднозначными, однако их интерпретация в данном случае спорна. Прежде всего необоснованным представляется тезис, будто причиной экономических трудностей стран ЦВЕ стала их ориентация на внутренний рынок ЕС. В сущности, это равносильно утверждению, что первопричиной трудностей было устранение всех таможенных пошлин, квот и прочих барьеров на пути свободного движения товаров, услуг, капиталов и лиц внутри ЕС. С точки зрения экономической теории и практики, это абсурд. В итоге естественного перераспределения торговых потоков внутри (*intra-trade*) и вне (*extra-trade*) ЕС, в нем с конца 1980-х — начала 1990-х годов установилась их устойчивая пропорция: 2/3 торговли в рамках ЕВР, 1/3 — в торговле с остальным миром. Так было до расширения ЕС, и та же пропорция сохранилась после вступления в него стран ЦВЕ: доля межгосударственного обмена товарами в рамках ЕВР находилась в диапазоне от 67.5% в 2005 г. до 62.5–63% в 2016–2017 гг., причем с большим разбросом от страны к стране — самым низким в Греции (менее 60%), самым высоким в Люксембурге (более 80%). В странах ЦВЕ доля торговли в рамках ЕВР находится в пределах от 62.5% в Литве до 75–80% в Эстонии, Венгрии, Чехии и Словакии¹. В общем, страны ЦВЕ фактически были в таком же положении на общем рынке ЕС, как и остальные его участники. Следует согласиться с автором в том,

¹ Eurostat. *International Trade in Goods and Foreign Investment*. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/file_import/ip038_statistical_annex_ee_autumn_2016_en_2.pdf

что экономическая стагнация в Союзе подстегнула правительства и бизнес его государств-членов (всех, а не только стран ЦВЕ) к активизации на внешних рынках, что и отразилось в некотором сокращении доли ЕВР в общем объеме их торговли. Однако это, подчеркнем, не причина, а следствие экономических трудностей и в странах ЦВЕ, и в остальных государствах ЕС. Что касается несбывшихся надежд и разочарования в результатах пребывания стран ЦВЕ в Евросоюзе, то данная тема, на мой взгляд, относится к сфере социальной психологии или метафизики.

Подвести черту под тем, что сказано о подготовке и вступлении стран ЦВЕ в Евросоюз и результатах их пребывания в нем, думается, можно в нескольких пунктах.

- Страны ЦВЕ перешли от социализма к рыночной экономике и демократии западного типа в поразительно короткий срок — 15–17 лет и достаточно успешно, чтобы адаптироваться к условиям ЕВР и быть принятыми в ЕС.

- Решающим фактором их успеха была предложенная Евросоюзом и принятая ими стратегия преобразования общественной системы посредством евро-интеграции, при его помощи, главным образом экономической, и под его контролем.

- Правильность такой стратегии была подтверждена высокими темпами роста ВВП в странах ЦВЕ и начавшимся процессом экономической конвергенции “старых” и “новых” членов ЕС в 2004–2007 гг., вплоть до глобального финансового и экономического кризиса.

- Но в целом влияние участия стран ЦВЕ в евроинтеграции на их экономическое и социальное развитие неоднозначно. В нем есть как плюсы, так и минусы. К плюсам следует отнести стабилизирующее воздействие участия в ЕВР, систематически используемые финансовые ресурсы ЕС (его бюджет, структурные фонды и т.д.)², а также торговые преференции, предусмотренные соглашениями о торговле между Евросоюзом и десятками развитых и развивающихся стран.

- К минусам относятся прежде всего экономические трудности, испытываемые странами ЦВЕ в последние 10 лет. Отчасти они имеют внутренние корни (слабая экономика и популистская социальная политика в большинстве стран региона). Но в большей степени они рождены теми же труд-

ностями, которые испытывает экономика всего Евросоюза. Это, с одной стороны, турбулентное состояние мирового хозяйства и возросшая конкуренция со стороны большой группы развивающихся стран во главе с Китаем и Индией, с другой — разнородность и структурные диспропорции в ЕС-28, особенно в еврозоне.

- В самые последние годы к этим трудностям добавились острейший миграционный кризис, Брекзит и тенденция к фрагментации ЕС, отчетливо проявившаяся в конфликтах между группой его “старых” членов во главе с франко-германским тандемом и странами ЦВЕ во главе с “Вишеградской четверкой”.

Кризисы и конфликты, сопровождающие эволюцию ЕС в последние 13–14 лет, вызвали жаркую дискуссию о его судьбе, в том числе о том, следует ли странам ЦВЕ связывать с Евросоюзом свое будущее и какова может быть альтернатива. Правда, в первой книге эта тема отсутствует. Но во второй из рецензируемых монографий прямо декларируется идея поворота стран ЦВЕ на Восток.

Ее концепция сформулирована в Предисловии: “Политическая и экономическая обстановка в странах ЦВЕ, зарождающиеся изменения их внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации во многом определяются новой геополитической ситуацией”. К смене их стратегической ориентации, отмечается далее, побуждают фундаментальные перемены в мире, в том числе изменение ролей Запада и Востока, усиливающиеся кризисные явления в Евросоюзе, а также конфликт между Западом и Россией. Следствием этих перемен становится “возможный восточный поворот внешнеэкономической политики стран ЦВЕ” (II, сс. 9–10). Наиболее четко сформулирован такой подход в двух первых главах монографии.

Общее обоснование данной концепции представил автор первой главы — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЭ РАН **И.И. Орлик** (ответственный редактор монографии), связывающий необходимость поиска “новых подходов к определению будущего у стран ЦВЕ, и даже возможного пересмотра жизненной стратегии” с глобальными переменами (II, с. 12). Причины такой эволюции автор объясняет влиянием, которое оказывают на них и ЕС в целом геополитические вызовы XXI в. Под их воздействием в разнородном объединении 28 государств резко усилились процессы дифференциации, строго разделяя его на западных “старожилов” и восточных “новичков”. У них разные интересы и разное положение в Евросоюзе. Чувствуя себя обделенными, страны ЦВЕ ищут пути обновления своей геополитической и внешнеэкономической стратегии, включая возможный “восточный поворот”.

² В 2009–2010 гг. Венгрии, Румынии и Латвии, оказавшимся на грани дефолта, ЕС, МВФ и Всемирный банк оказали экстренную финансовую помощь: первым двум — по 20 млрд евро, Латвии — 7.5 млрд. См.: Ю. Борко. ЕС после финансово-экономического кризиса. *Европейский Союз в XXI веке: время испытаний*. Под ред. О.Ю. Потемкиной, Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. Москва, Вест мир, 2012. С. 42, 44.

Во второй главе, посвященной экономическому развитию стран ЦВЕ с конца 1990-х по 2016 г., то есть в основном после вступления в ЕС, ее авторы — С.П. Глинкина и Н.В. Куликова, дают жесткую критическую оценку его итогов, обоснованную и точную в конкретном анализе, но спорную в некоторых выводах (II, сс. 20-30).

Как отмечают авторы, экономическое развитие стран ЦВЕ в указанные годы делится на два контрастных периода — до и после глобального экономического кризиса в 2008–2009 гг. В первый темпы роста ВВП в регионе были в два с лишним раза выше, чем в целом по ЕС. Эти государства заметно продвинулись в сближении (конвергенции) показателя производства ВВП на душу населения. Однако, как уже упоминалось выше, динамичный рост экономики в странах ЦВЕ обеспечивался не внутренними ресурсами, а внешними заимствованиями, в том числе мощным притоком прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в основном из высокоразвитых государств Западной Европы. Экономический кризис 2008–2009 гг. стал моментом истины для стран ЦВЕ. Он выявил как реальный масштаб их отставания от экономики стран, входящих в ядро ЕС, так и все изъяны экономической и социальной политики большинства государств региона ЦВЕ. С такой оценкой согласен и автор данной рецензии, детально проанализировавший воздействие кризиса на страны ЕС — динамику их ВВП, инвестиций, безработицы, экспорта, дефицита бюджета и внешней задолженности. Анализ показал, что в верхнюю половину государств-членов, легче его перенесших и быстрее из него вышедших, входили в основном высокоразвитые экономики, а из ЦВЕ — по большинству параметров только Польша и Словакия. Девять стран региона оказались по всем или большинству параметров в нижней половине списка участников Евросоюза³.

По завершении кризиса страны ЦВЕ, напомним, не вернулись к прежним высоким темпам экономического роста. Напротив, почти все они перешли в состояние депрессии, сменившейся в 2014–2016 гг. ростом ВВП в пределах 2.5–3.0% в целом по региону, немного превосходящим темпы его роста в ЕС-28. В 2017 г. совокупный ВВП региона увеличился на 4.3–4.4%, но прогноз на 2018–2020 гг. тенденцию к ускорению роста не подтверждает. Процесс экономической конвергенции в Евросоюзе почти прекратился, развеяв надежды населения стран ЦВЕ на то, что в недалеком будущем по уровню своей жизни оно если и не сравняется, то значительно приблизится к передовым государствам ЕС. Перечень разочарований

населения этих стран можно дополнить длинным списком расхождений в национальных интересах и разногласий в “верхах” Союза и его государств-членов. Во всех странах ЦВЕ общественное мнение эволюционировало от первоначальной эйфории к разочарованию, которое, как отмечают авторы, в последние годы стало доминирующим настроением в широких слоях населения и значительно усилилось в политических и деловых кругах (II, с. 21, 27, 28).

Глава завершается выводами принципиального характера. Во-первых, реформы “не обеспечили появления” в них “либерального рыночного капитализма, модель которого они пытались скопировать”. Во-вторых, “дополнительным вызовом для стран ЦВЕ стал экономический и институциональный кризис в Европейском союзе, ставящий под вопрос эффективность их европоцентричного развития. Сталкиваясь с нарастающей внешней и внутренней энтропией, эти страны вынуждены искать новые возможности для экономического и социального прогресса, которые позволили бы им преодолеть свою нынешнюю периферийность” (II, с. 21, 30). Но если европоцентричное развитие утратило эффективность, не следует ли искать ее на востоке? Увы, этот вопрос остался здесь без ответа.

Нет ни слова о такой перспективе и в соответствующей главе первой рецензируемой книги, посвященной экономическим отношениям стран ЦВЕ с Россией (I, сс. 224-248). Авторы подтверждают детальным анализом тот факт, что в 1990-е годы произошла смена приоритетов в экономических связях государств ЦВЕ и РФ. Их значение для обеих сторон стало снижаться, особенно в 2014–2016 гг. Что касается перспектив, исследователи отмечают заинтересованность России и большинства стран ЦВЕ в восстановлении экономических связей. Обе стороны согласны, что экономические санкции и контрсанкции наносят им огромный хозяйственный ущерб. Но в целом их отношения определяются политической конфронтацией между Россией и Евросоюзом. Для устранения барьеров, препятствующих восстановлению экономического сотрудничества между ЦВЕ и Россией, необходимо “политическое урегулирование отношений ЕС с Россией на основе переговоров” и поиска компромиссов (I, сс. 248-249).

На мой взгляд, оснований для восточного поворота действительно нет. Более того, он просто невозможен. Прежде всего по экономическим причинам. За несколько десятилетий, начиная с 1950-х годов, в мировой научной литературе по проблемам экономической интеграции появилось множество определений сути этого феномена. Думается, самое четкое из них предложил один из основателей российской школы интеграцион-

³ Подробнее см.: Борко. Ю. ЕС после финансово-экономического кризиса. *Европейский Союз в XXI веке: время испытаний*. Москва, Весь мир, 2012, сс. 35-71.

ных исследований Ю.В. Шишков. По его словам, международная экономическая интеграция — это “наивысшая ... ступень интернационализации, когда нарастающая экономическая взаимозависимость двух или нескольких стран переходит в сращивание национальных рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и формирование целостного рыночного пространства с единой валютно-финансовой системой, единой в основном правовой системой и теснейшей координацией внутри- и внешнеэкономической политики соответствующих государств”⁴. Ключевое слово здесь — *сращивание*. Насколько больно резать по сросшемуся хозяйственному организму ЕС и какова цена этой операции — с шокирующей убедительностью демонстрирует двухлетний опыт Великобритании. А ведь речь идет о стране, входящей в *top*-десятку национальных хозяйств мира.

Для средних и малых государств-членов выход из Евросоюза был бы равнозначен экономической катастрофе. В трех из них — Польше, Венгрии и Австрии — у власти находятся откровенно националистические партии. Возглавляемые ими правительства конфликтуют с высшими институтами Евросоюза, но выход из него в их цели не входит. Показательны в этом отношении перемены в настроениях общества. Согласно двум последним опросам “Евробарометра”, осенью 2017-го и весной 2018 г., в отношении респондентов к Евросоюзу произошел перелом в лучшую сторону. В целом по ЕС-28 доля лиц, позитивно оценивших экономическую ситуацию в нем, впервые с 2007 г. превысила долю тех, кто оценил ее негативно (58% и 36% весной 2018 г.)⁵. Однако нас особенно интересуют показатели в ЦВЕ. В 10 странах (исключая Чехию) показатели доверия к ЕС выше, чем в целом по Союзу, — от 44% в Словакии до 66% в Литве. В девяти странах ЦВЕ доля еврооптимистов оказалась выше, чем в целом по ЕС, — от 61% в Болгарии до 70% в Литве. Не дотянули до среднего уровня Венгрия и Чехия, но и здесь доля еврооптимистов превышает 50% (соответственно — 56 и 55%).

Разрыв стран ЦВЕ с евроинтеграцией невозможен и по политическим причинам. Новая ситуация в Европе, порожденная военным конфликтом в Восточной Украине и радикальной переменой — от партнерства к конфронтации — в отношениях между ЕС и Россией, заострила проблему их безопасности. Гарантией ее обеспечения политические “верхи” стран ЦВЕ, поддерживаемые огромным большинством граждан, считают членство в ЕС и НАТО. Важность их членства в НАТО объ-

яснений не требует. А в условиях мира, даже экстратурбулентного, как в настоящее время, их место в системе международных отношений определяется не собственным весом стран ЦВЕ, а ролью Евросоюза как одного из главных субъектов мировой политики, возможностью участия в его общей внешней политике и политике безопасности, включая защиту собственных интересов.

Как только заходит разговор о восточном повороте, тут же возникает вопрос: что конкретно страны ЦВЕ могли бы приобрести на востоке взамен того, что они утратят, порвав с Евросоюзом и НАТО? Тема баланса возможных приобретений и потерь в случае такого поворота в тематике монографии “Восточный поворот” отсутствует. Не будет заниматься подсчетом и автор рецензии, хотя, как явствует из предыдущего текста, мой ответ на этот ключевой вопрос очевиден.

Но есть другой, не менее важный, многоплановый, вопрос — о возможном сценарии развития стран ЦВЕ в обозримом будущем и обстоятельствах, внутренних и внешних, от которых это будет зависеть.

Оставим в стороне катастрофический сценарий — перерастание кризисной ситуации в Украине и возрастающей напряженности в отношениях между Западом и Россией в масштабный военный конфликт. В этом случае все размышления автора теряют смысл.

Если — будем надеяться — такой сценарий не состоится, Евросоюз сохранит свое положение как один из центров экономической силы в мире и один из главных субъектов в сфере международных отношений. Сохранит он и свою роль интегратора Европы. Шок, вызванный Брекситом, прошел. Доминирующей стала тенденция к консолидации ЕС. В 2020-е годы Союз, вероятно, примет в свои ряды все или почти все западно-балканские страны. Будет развиваться его сотрудничество с постсоветскими странами, участвующими в Восточном партнерстве. Евросоюзу предстоят реформы, в цели которых входят стабилизация и укрепление еврозоны, некоторое перераспределение полномочий между наднациональными органами ЕС и национальными правительствами в пользу последних, стимулирование инновационных отраслей экономики, ее устойчивый рост и повышение конкурентоспособности на внешних рынках, восстановление контроля над иммиграцией из стран Ближнего Востока и Африки и обустройство беженцев, борьба с рвущимися в Европу исламскими фундаменталистами и с терроризмом, противодействие росту агрессивного национализма и правого радикализма в самом Евросоюзе. Задача — одна сложнее другой. Насколько успешно они будут решаться — предсказать невозможно. Эпоха

⁴ Шишков Ю.В. *Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ*. Москва, НП “III тысячелетие”, 2001. С. 17.

⁵ Здесь и дальше: *Standard Euro barometer 89. Public opinion in the European Union. Annex*. March 2018.

динамичного и успешного развития Европейского сообщества/союза закончилась в 2005 г. Последние 13 лет он живет в условиях перманентной нестабильности и пережил серию кризисов. ЕС накопил за эти годы немалый опыт существования и деятельности в таких условиях, и высшие институты Союза вместе с правительствами государств-членов постараются использовать его для решения очередных насущных задач.

Судьба государств ЦВЕ неразрывно связана с судьбой ЕС, причем не только уже вошедших в его состав, но и кандидатов на вступление. Лозунги выхода из него, которые в последние годы выдвигались националистическими организациями в ряде стран, забыты. В сфере экономики они решают те же задачи, что и весь Союз, — структурная перестройка с акцентом на развитие отраслей новейшей технологии, повышение конкурентоспособности на мировом рынке, устойчивый рост и повышение его темпов, по возможности более высоких, чем в ЕС-27. К специфическим задачам, которые надо решать странам ЦВЕ и которые, по мнению Еврокомиссии, а также Германии, Франции и ряда других стран ЕС, они решают недостаточно эффективно, относятся повышение качества экономической политики государства, преодоление “социального популизма” в политике многих правящих партий и низкая эффективность борьбы с коррупцией.

В последние годы в Евросоюзе возникли острые разногласия между двумя его высшими институтами (Еврокомиссией и Европарламентом) и “Вишеградской группой” (Польша, Венгрия, Чехия и Словакия) по ряду насущных вопросов политики ЕС (контроль над иммиграцией и распределение мигрантов по странам ЕС, финансирование стран ЦВЕ в бюджете ЕС на 2021–2027 гг. и т.д.), а также по некоторым вопросам внутренней политики Польши и Венгрии, в решении которых их правительства, по мнению Брюсселя, отступают от “европейских ценностей”. По сути за этими разногласиями стоит вопрос о соотношении принци-

па наднациональности и национального суверенитета, а значит, о распределении полномочий между институтами ЕС и национальными властями. Этот спор “добавляет топлива” в дискуссию о грядущих реформах в Союзе. Стратегическая цель “Вишеградской четверки”, которую поддерживают и некоторые другие страны ЦВЕ, состоит в расширении не только индивидуальной, но и коллективной автономии региона ЦВЕ, что повлечет за собой повышение его роли в разработке и принятии решений на уровне ЕС, разумеется, с учетом его собственных интересов.

Что касается будущих отношений между странами ЦВЕ и Россией, то во всех главах обеих монографий говорится о заинтересованности этих стран в расширении торговли и развитии различных форм экономического сотрудничества с РФ. Главным препятствием на этом пути остаются взаимные санкции ЕС и России. Они могут быть отменены только при условии восстановления контроля Украины над своей территорией, но такая перспектива пока не просматривается, и режим санкций, видимо, будет действовать неопределенно долго. И все же в 2017 г., впервые после трехлетнего сокращения торговли между странами ЦВЕ и Россией, ее объем увеличился. Вырос он и в первой половине 2018 г. Позитивный сдвиг произошел в других областях экономического сотрудничества. Это означает, что страны ЦВЕ — если не все, то наиболее заинтересованные в восстановлении хозяйственных связей с РФ — ищут и находят обходные пути реализации своего экономического интереса. Россия в этом также заинтересована. Скорее всего, такая тенденция будет действовать и в последующие годы.

В заключение рецензент хотел бы подчеркнуть, что научная новизна и ценность монографий состоит не только в наиболее полном исследовании итогов экономического развития стран ЦВЕ в рамках евроинтеграции, но и в теоретическом анализе типологии современного капитализма.

CENTRAL-EASTERN EUROPE: IS IT POSSIBLE TO GO FORWARD TURNING BACK?

[Review of the books: I. Post-socialist World: results of transformation. Central-Eastern Europe. Vol. I. Ed. N. V. Kulikova (Institute of Economics RAS) St. Petersburg, “Aletheia”, 2017. 428 p. (In Russ.); II. The Eastern turning-point of external economic policy of Central-Eastern European countries under conditions of growing symptoms of crisis in the EU. Ed. I. I. Orlik. Moscow, IE RAS, 2017. 293 p. (In Russ.)]

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 3, pp. 115-121)

Received 15.10.2018.

Yurii A. BORKO (europe@ieras.ru),

Institute of Europe RAS, 11–3, Mokhovaya str. Moscow, 125009, Russian Federation.

Keywords: Central-Eastern Europe, CEE countries, European Union, Russia, economics, economic transformation, dependent capitalism, turn to the East.

About Author:

Yurii A. BORKO, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Principal Researcher, Head of the EU Documentation Centre.